

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра _____ «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему Интеллектуальные права и вещные права

Студент

Т.Д. Меликян

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. полит. наук Д.С. Горелик

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

Тема выпускной квалификационной работы: «Интеллектуальные права и вещные права»

Актуальность темы исследования состоит в широком распространении интеллектуальной собственности в общественной жизни и её серьёзном значимом положении в системе институтов гражданского права.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

В первой главе охарактеризован генезис интеллектуальных и вещных прав в рамках развития гражданского права, раскрыто понятие и признаки интеллектуальных и вещных прав в современном законодательстве, выявлены особенности права собственности на интеллектуальные и вещные права.

Во второй главе исследованы основы защиты интеллектуальных и вещных прав на современном этапе, выявлены особенности возмещения убытков как гражданско-правовой способ защиты исключительных интеллектуальных и вещных прав.

В третьей главе рассмотрены проблемы и направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав.

В заключении подведены итоги по проделанной работе.

Объём выполненной работы составляет 71 страницу.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и общая характеристика интеллектуальных и вещных прав .	7
1.1. Генезис интеллектуальных и вещных прав в рамках развития гражданского права	7
1.2 Понятие и признаки интеллектуальных и вещных прав в современном законодательстве	11
1.3 Право собственности на интеллектуальные и вещные права	21
Глава 2 Исследование защиты интеллектуальных и вещных прав на современном этапе	31
2.1 Анализ практики защиты интеллектуальных и вещных прав.....	31
2.2 Возмещение убытков как гражданско-правовой способ защиты исключительных интеллектуальных и вещных прав	511
Глава 3 Проблемы и направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав	55
3.1 Проблемы защиты интеллектуальных и вещных прав.....	55
3.2 Направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав	60
Заключение	64
Список используемой литературы и используемых источников	67

Введение

Актуальность темы исследования состоит в широком распространении интеллектуальной собственности в общественной жизни и её серьёзном значимом положении в системе институтов гражданского права. Термин «интеллектуальная собственность» получил общемировое значение и употребляется, как в национальных, так и в международных нормативно-правовых актах. Значение института подчёркивается тем, что в конституциях практически современных стран интеллектуальная собственность охраняется, как одна из основных прав человека и гражданина (упомянута в ч.1 ст.44 Конституции РФ) [16]. Однако на данный момент большинство коренных вопросов, остаются дискуссионными, в том числе понятие «интеллектуальная собственность». Актуальной темой остаётся защита различных видов интеллектуальной собственности. Несмотря на увеличение ответственности для нарушителей, уровень нарушений по-прежнему остаётся на высоком уровне.

В современном мире возрастает роль нематериальных объектов интеллектуальных прав, к которым относятся смежные права. В век цифровых технологий, особенно актуален вопрос о защите объектов интеллектуальных и вещных прав. Гражданское законодательство активно реагирует на изменения происходящее в обществе. Последние изменения в гражданском законодательстве направлены на совершенствование правового регулирования в сфере смежных прав, однако практика применения законодательных новелл еще не сформирована.

В следствии актуальности вышеобозначенных проблем, необходимо выработать общий подход к природе интеллектуальной собственности и механизма определения новых объектов интеллектуального права для их последующей защиты.

В настоящее время в российском праве сложились предпосылки для восприятия интеллектуальной собственности, не как подрыва гражданского права, а комплексной самостоятельной отрасли.

Целью работы является исследование гражданско-правовой природы интеллектуальных права и вещных прав, способов их защиты, формулирование предложений по улучшению законодательства и правоприменительной практики в анализируемой сфере.

Задачи исследования:

- рассмотреть генезис становления интеллектуальных и вещных прав в рамках развития гражданского права;
- определить понятие и признаки интеллектуальных и вещных прав в современном законодательстве;
- проанализировать вопросы практики защиты интеллектуальных и вещных прав;
- определить основы возмещение убытков как гражданско-правовой способ защиты исключительных интеллектуальных и вещных прав;
- охарактеризовать проблемы и направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования отношений по использованию интеллектуальной собственности.

Предмет исследования – это гражданское законодательство Российской Федерации, международно-правовые акты, законодательные акты иностранных государств, судебные прецеденты в сфере интеллектуальных прав.

В связи с важностью интеллектуальной собственности, как института гражданского права, всё больше исследователей обращают внимание на проблемы, существующие в этой сфере. За последнее время появилось

несколько крупных специалистов по данной теме, к ним следует отнести: Антонова, И. С., Бирюков, П. Н., Богуславский, М. М., Позднякова, Е. А. Канаева, А. С., В. П. Камышанский, С. В. Новикова, Е. Ю. Руденко, Д. В. Степанов.

Несмотря на большой научный вклад вышеобозначенных учёных в сфере интеллектуальных прав, есть много вопросов, требующих более внимательного изучения.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых как Богуславский М.М., Гаврилова А.М., Гринь Е.С., Гришаев С.П., Даль. В.С., Дозорцев В.А., Зенин И.А., Камышанский В.П., Позднякова Е.А., Романова Е.А., Черничкина Г.Н., Щербак Н.В., Шершеневич Г.Ф., Энтин В.Л. и другие.

Нормативно-правовой основой исследования является действующее гражданское законодательство, регулирующие интеллектуальные и вещные права, их соотношение и различия. В данной работе путём анализа действующего законодательства и позиций учёных юристов сформировано определение термина интеллектуальная собственность и её квалифицирующие признаки, интеллектуальные и вещные права.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод системного подхода и структурного анализа, формально-юридический метод и метод сравнительного правоведения.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, пяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и общая характеристика интеллектуальных и вещных прав

1.1. Генезис интеллектуальных и вещных прав в рамках развития гражданского права

Настоящая глава, будет посвящена теоретическим аспектам, включающим обзор исторического, общетеоретического положения и вопроса приобретения прав интеллектуальной собственности. Начать стоит с исторического контекста: достаточно давно интеллектуальная собственность занимает статус одной из наиболее важных отраслей гражданского права.

В 1883 и 1886 годах были приняты Парижская, а также соответственно Бернская конвенция, в которых впервые на практике были заложены принципы охраны промышленной собственности и защита прав автора литературных и художественных произведений. В историческом прошлом России первым правоведом, изучающим интеллектуальные права, стал Г.Ф. Шершеневич. В своей работе «Авторское право на литературные произведения» он рассматривал особенности отношений в сфере интеллектуальных прав и говорил об обособлении авторских и иных прав от общих гражданских прав в отдельный институт права [39, с. 45].

Надо сказать, что введение института интеллектуальной собственности был спорным ещё в самом начале её существования, так, например, философ Пьер Жозеф Прудон в своей работе «Литературные майораты» подвергает сомнению целесообразность сравнения интеллектуального произведения с землёй, домом или иными объектами вещных прав, может ли труд художника, писателя, породить собственность равную земельной. Главный вывод Прудона таков, что установление интеллектуальной собственности противоречит всем принципам политэкономии, её нельзя вынести не из понятия продукта, мены, кредита, капитала или процента. Он подразумевал, что есть некоторый договор между обществом и автором, которые

обмениваются услугами, тем самым дополняя друг друга. Прудон выступал явно против превращения прав на произведения в имущественные права [1, с. 285].

Так как П.Ж. Прудон являлся философом, работы которого серьёзно повлияли на немецкого философа К. Маркса, то неудивительно, что после октябрьской революции в 1917 году государство берёт курс на обеспечение монополии в этой области. Декреты ВЦИК «О государственном издательстве» и Декрет СНК РСФСР 1918 года «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием», и так как исключительные права могут передаваться по наследству, имеет смысл упомянуть Декрет ВЦИК от 1918 года «Об отмене права наследования».

В период новой экономической политики и отхода принципов военного коммунизма в 1925 году происходит возрождение исключительных прав автора на произведения, и срок его охраны был равен двадцати пяти годам с момента первого издания и (или) исполнения. В дальнейшем постановлением ЦИК СССР и СНК СССР в мае 1928 года в законодательство были введены «Основы авторского права», а 8 октября 1928 года было опубликовано постановление «Об авторском праве». Теперь исключительное право действовало в течении всей жизни автора и 15 лет после его смерти, правительство СССР и правительство республик могли на принудительной основе выкупать исключительные права.

Патентное право также начало развиваться после революции 1917 года. В Декрете от 30 июня 1919 года, было утверждено Положение об изобретении, в котором любое технически полезное устройство признавалось изобретением. В 1924 году было издано Постановление «О промышленных образцах», закрепляющее патентные права автора на промышленный образец, и охранялись в течение трёх лет с возможностью продления срока. В последующем постановлении 1965 года утрачивает свою силу и

промышленные образцы. Снова становятся охраняемым объектом интеллектуальных прав по причине ратификации Парижской конвенции в 1883 году, тогда же было принято постановление совета министров СССР о «О промышленных образцах».

Постановлением ЦИК № 3 было утверждено положение об изобретении и техническом усовершенствованиях, постановление действовало в отношении новых изобретений. В дальнейшем понятие изобретения формулировалось в постановлении совета министров СССР 1959 года № 435 «Об утверждении положения об открытиях, изобретениях и предложениях» и инструкции «о вознаграждении за предложения, открытия, изобретения» [8, с. 12].

История регулирования селекционных достижений очень скромна, так как насчитывает всего лишь одно постановление СНК СССР от 29 июня 1937 года «О мерах по улучшению семян зерновых культур».

В области охраны средств индивидуализации в разные периоды советской истории были разнообразны. Правительство СССР закрепляло исключительные права на средства индивидуализации за теми предприятиями, на которых они применялись в дальнейшем. Это вызовет проблемы с разделом этой собственности уже после распада СССР в 1991 году, так как предприятия будут принадлежать разным владельцам.

Интересно, что даже у государственных органов имеющие свои производственные мощности, например, на имя ГУЛАГ НКВД СССР имелось свидетельство № 1047 классы 4,6,12,16 на товары трикотажные, швейные, кожаные и металлические изделия, обувь и мебель. Товарный знак был зарегистрирован 15 февраля 1939 года и сроком по 15.02.1959 года.

В 1961 году был принят гражданский кодекс СССР, который положил начало кодификации по интеллектуальным правам в нашей стране и уже после были созданы предпосылки по вхождению СССР в международно-правовые договоры в сфере интеллектуальной собственности.

В преддверии восстановления рыночных отношений в СССР, законом от 24 декабря 1990 года № 443-1 «О собственности в РСФСР» в п. 4 ст. 1, были закреплены и гарантировались имущественные и не имущественные права авторов на открытия и изобретения.

Закон определяет порядок ограничения доступа к информации, размещённой в сети интернет с нарушением прав правообладателей [11, с. 165].

Правообладатель в случае обнаружения информации (фильмов, аудио, программ) или способа их получения, вправе обратиться к специальному органу (Роскомнадзор), который направляет провайдеру хостинга уведомление о нарушении прав, а провайдер в свою очередь уведомляет нарушителя прав и, если уведомление останется без ответа или требование не будет выполнено, ресурс заблокируют. Инновация закона заключается в ведении ответственности посредников (провайдеров), теперь заблокировать и удалить незаконную информацию может непосредственно провайдер. ГК РФ дополнен положениями, которые определяют процедуру применения обеспечительных мер. Исключительная подсудность на рассмотрение заявлений, включающие требования об обеспечительных мерах принадлежит Московскому городскому суду.

Этого явно оказалось недостаточно, так как нарушители исключительных прав находят способы обхода запретов и ограничений. 01.10.2020 года ступил в силу Федеральный закон от 08.06.2020 № 177-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Законодательный акт определяет понятие программного приложения и владельца программного приложения. Закон определяет порядок процедуры блокировки приложения в случае определения в нём информации, которая нарушает исключительные права правообладателя.

Расширена компетенция Роскомнадзора, отнесена отправка уведомления в адрес правонарушителя или иному лицу, на ресурсах которого размещено программное приложение. Уведомление может быть направлено через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет [11, с. 1158].

По всему вышеизложенному видно, что в российской истории интеллектуальная собственность существует достаточно давно и законодательная база очень хорошо проработана. Несмотря на советский период истории, где интеллектуальное право было своеобразным и испытывало на себе влияние идеологии, впервые в нашей стране только после революции начинается развитие законодательной базы по интеллектуальным правам. Уже после 1991 года с реставрацией капиталистических отношений наблюдается становление развития законодательства по общемировому пути и именно с этим будет связано большая часть проблем российского права интеллектуальной собственности.

1.2 Понятие и признаки интеллектуальных и вещных прав в современном законодательстве

В ст. 128 ГК РФ упомянуты объекты гражданских прав, среди них упоминаются охраняемые объекты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность).

Интеллектуальная собственность – это институт, как российского гражданского права, так и институт общемирового права, но спорной выглядит сфера отношения охватываемых правом интеллектуальной собственности, эта проблема создаёт препятствие по поиску правовых конструкций, которые будут соответствовать экономическому и социальному смыслу отношений [17, с. 977].

После принятия в 2008 году четвертой части гражданского кодекса, в законодательстве были закреплены основные, по мнению законодателя, объекты интеллектуальных прав. Стоит отметить, что ранее российское гражданское право не знало понятия исключительных прав. Концепция была предложена профессором В.А. Дозорцевым, он являлся разработчиком всех частей гражданского кодекса и именно его идеи легли в основу четвертой части.

Понятие собственности не допускает его применение к результатам интеллектуальной деятельности [18, с. 87].

Фактически законодатель приравнивает объекты, упомянутые в п. 1 ст. 1225 ГК РФ и институт интеллектуальной собственности в целом. В соответствии с п.2 ст. 1225 и ст. 128 ГК РФ они полностью приравнены, хотя, как нам кажется интеллектуальная собственность – это чисто имущественные отношения, сравнимый с исключительным правом институт. Стоит рассмотреть все объекты, перечисленные в п. 1 ст. 1225 ГК РФ.

Программы для электронных вычислительных машин (Далее – ЭВМ). Программой для ЭВМ в соответствии со ст. 1261 ГК РФ, является совокупностью команд для функционирования ЭВМ и других устройств, с расчётом на определённый результат. ЭВМ – это сложный объект интеллектуальных прав, поэтому в его состав включают, в том числе оформление, как графическое, так и аудиовизуальное. Особенностью является способ охраны программ ЭВМ, они охраняются как авторские права на литературные произведения.

Базы данных в соответствии с п. 2 ст. 1261 ГК РФ, совокупность определённым образом данных, которые можно обработать с помощью ЭВМ. Российское законодательство предоставляет базам данных охрану, как сложному произведению, состоящему из других произведений, которые в свою очередь тоже могут быть самостоятельными предметами охраны (онлайн кинотеатры, сервисы музыки и т.д.). Обязательным критерием для охраны

является признак затраты ресурсов на создание базы данных, в том числе при обработке и предоставлении включённых в неё данных.

Вторым объектом интеллектуальных прав являются исполнения, исключительное право на него принадлежит: певцам, постановщикам, дирижерам и режиссёрам. В международно-правовых актах встречаются и другие субъекты исключительного права, в этот перечень могут входить: актёры, певцы, музыканты, танцоры и другие лица, которые могут исполнять роль, петь, танцевать. Исключительные права возникают лишь в том случае, когда исполнение можно воспроизвести и распространить.

Под фонограммой понимается запись звуков, самое главное, что фонограмма не может быть визуальной или аудиовизуальной. При этом в соответствии со ст. 1325 ГК РФ фонограммой может быть запись исполнения или иных звуков, фонограммой не может быть запись, которая является составляющей другого аудио, видео, аудиовизуального или кинематографического произведения [7].

Сообщения в эфир или по кабелю радио или телепередач являются объектами правовой охраны, которые созданы компаниями или произведены по их заказу, это: эфир, передачи, непосредственно передача программы (трансляция).

Уникальность объекта вызвана в первую очередь способом воспроизведения путём вещания, путём использования оборудования для передачи и приёма сигнала, состоящего из аудио, видео, изображений и других данных.

Изобретение, один из классических примеров интеллектуальной собственности, обычно выступает, как некоторое техническое решение в любой сфере деятельности общества. Под объектом охраны может пониматься, как результат творческого процесса, так и сам процесс создания предметов материального мира.

Исходя из статьи 1325 ГК РФ, под изобретением может пониматься, обличённый в объективную форму или предмет – результат человеческого труда, устройства, вещества или иного предмета, имеющего отличающие его от всего существующего, характерные свойства [7].

По мнению профессора и председателя суда по интеллектуальным правам Новоселовой Л.А. «при определении «изобретения» как объекта охраны интеллектуальных прав необходимо исходить из принципа патентоспособности, к которым закон относит:

- 1) новизну;
- 2) изобретательский уровень;
- 3) промышленная применимость» [25, с. 119].

То есть изобретение – это нечто новое, обладающее уникальными признаками от иных технических решений и устройств, при этом изобретение должно быть направлено на реализацию каких-либо задач в любой сфере общества.

По смыслу статьи 1351 ГК РФ полезная модель – это техническое решение, не имеющее отношение ни к способам, ни к вещам, а касается только лишь конструктивных решений и устройства техники. Так же, как и изобретение попадает под принципы патентоспособности.

В соответствии со ст. 1352 ГК РФ промышленные образцы, как объект интеллектуальной собственности, характеризуется как нечто новое и оригинальное, уникальным внешним видом, рисунком или орнаментом, сочетанием цветов, элементов, изгибом линий изделия вне зависимости от кустарного или промышленного производства товара.

Промышленный образец воспринимается сугубо как дизайнерское решение, уникальность этого вида интеллектуальной собственности в режиме правовой охраны, на него распространяется защита авторского и патентного права ввиду того, что промышленный образец может сочетать в себе как технические, так и эстетические черты.

Селекционные достижения считаются одним из результатов интеллектуальной деятельности, но имеют ряд серьёзных отличий от остальных объектов интеллектуальной собственности. В нормах международного права нет однозначного ответа на вопрос, является ли данный объект охраняемым, в пример можно привести Бернскую конвенцию, Парижскую конвенцию, конвенцию ВОИС. Российское законодательство подходит к этому вопросу однозначно, внося в п.1 ст. 1225 ГК РФ селекционные достижения, как охраняемые объекты. Гражданский кодекс закрепляет селекционные достижения, как сорта растений или породы животных, зарегистрированные в определённом законом порядке и подпадающие под признаки патентоспособности.

Типология интегральных микросхем в законе, закреплённая ст. 1448 ГК РФ, которая говорит о том, что типология микросхем должна быть зафиксирована на материальном носителе пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними [7].

Важно то, что микросхема представляет собой микроэлектронное изделие окончательной или промежуточной формы, которое предназначено для создания электронной схемы, элементы которой связаны и сформированы, в объёме и (или) на поверхности материала (схемы). Принадлежность такого произведения не определена и в равной степени может относиться и к авторскому, смежному и патентному праву, в разных странах дело обстоит по-разному. Юридическая наука, в том числе не даёт ответа на этот вопрос. Актуальным ответом является признание за типологией интегральных микросхем самобытной природы защиты и охраны, но дискуссии ещё ведутся, и может быть, в будущем нас ждут новые изменения в гражданском законодательстве. Наше мнение полностью совпадает с нынешней позицией законодателя и изменение норм права в этой части будет ошибочно.

Секреты производства или ноу-хау – законодатель понимает под этим ведения любого характера, которое имеет значение для производства, вне зависимости от их характера, например: научные, технические, достижения в профессиональной сфере и любые иные сведения, имеющие коммерческую ценность, ввиду неизвестности третьим лицам. Данные правоотношения урегулированы нормами права различных отраслей уголовного, конкурентного, информационного права.

Фирменное наименование – это, прежде всего название, которые носят юридические лица, по сути главная отличительная особенность, отличающая одного участника рынка от другого. Законодательство предъявляет требования к названию организации, оно обязательно должно включать организационно-правовую структуру и само наименование, выбранное учредителями. Из текста ст. 54 ГК РФ неясно должно ли юридическое лицо иметь фирменное наименование и название или роль наименования может играть название. По мнению законодателя, вопрос должен решаться самой компанией, на практике фирмы при наличии названия имеют ещё и фирменное наименование, например, известная марка магазинов «Светофор» принадлежит целому гигантскому холдингу, юридическое лицо которого в каждом регионе РФ отличается. Самое распространённое – это ООО «Торгсервис», в конце приписывается номер региона [28, с. 514].

Многие также забывают о том, что, когда идёт речь про фирменное наименование, имеется ввиду несколько объектов, они представлены в лице полного фирменного наименования, собственное наименование коммерческого обозначения и краткое наименование юридического лица.

По нашему мнению, это самый недооценённый объект интеллектуальной собственности, так как компании очень редко обращают на него внимание и на рынке наблюдаются сотни фирм с похожими или идентичными названиями, что может путать потребителей или контрагентов,

которые увидев давно зарекомендовавшие себя имя, могут приобрести некачественный товар или услуги.

Эту проблему можно решить несколькими путями. Первое – это подталкивать уже существующие компании оспаривать регистрацию фирм с похожими или идентичными именами. Второе – это прямой запрет со стороны налоговых органов, когда компания с уникальным названием была внесена в ЕГРЮЛ, налоговая должна сразу блокировать попытки регистрации компании со схожим именем, по причине принципа старшинства и степени смешения. Все эти действия могут предотвратить возможные недобросовестные действия со стороны других игроков рынка. Как нам кажется, также может быть полезно при процедуре банкротства, конкурсный управляющий может продавать право на регистрацию новой фирмы под старым именем, что позволит получить хоть какие-то деньги при безнадёжных случаях банкротства и возместить в определённой степени ущерб кредиторам [29, с. 127].

Товарные знаки и знаки обслуживания (коллективные товарные знаки и знаки обслуживания) юридическое лицо может зарегистрировать в качестве обозначений любые слова, символы, могут использоваться личные имена сочетания цветов, но надо добавить, что товарный знак будет иметь силу только в том классе, в котором зарегистрирован. Даже не зарегистрированные товарные знаки не могут стать препятствием для защиты прав интеллектуальной собственности, по принципу старшинства использования.

Географические обозначения и места происхождения товара – это не так давно (2019 года) добавленный объект интеллектуальной собственности, известный европейскому законодательству с 1883 года, упоминается в Парижской конвенции. С точки зрения законодательства – это обозначение современное или историческое, официальное или не официальное, сокращённое или полное, применяется национальные названия, названия страны, населённого пункта, границы, определённые природными границами.

Географические обозначения содержат несколько отличительных особенностей. Подобный объект может придать национальный или особый региональный (тульские пряники) окрас товару, тем самым даёт возможность сохранить местные промыслы. Также в данном конкретном случае государственная регистрация становится подтверждением места происхождения товара. Самое главное, производитель должен воссоздать весь процесс производства, либо хотя бы его основную часть для прохождения государственной регистрации.

Коммерческие обозначения – это средство индивидуализации предприятия, которое используется участниками делового оборота, как отличительная особенность от остальных юридических лиц.

В законодательстве в данный момент понятие «средства индивидуализации» толкуются в узком значении и обозначают только пять разновидностей объектов (фирменные наименования, географические обозначения, места происхождения товара, коммерческие обозначения). Все они напрямую отнесены к объектам гражданских прав. Это может быть имя человека, название произведения, название коллектива авторов, отдельные фразы. Как нам кажется, такие обозначения могут быть зарегистрированы как средства индивидуализации, но только после того, как станут объектами гражданских прав, как, например, знаменитая фраза Гагарина Ю.А., сказанная перед стартом ракеты «Поехали!», которую в данный момент регистрирует российское космическое агентство в качестве товарного знака для своей продукции [32, с. 42].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что интеллектуальная собственность широко представлена в действующем российском гражданском законодательстве. На данный момент проработка отдельных аспектов вызывает некоторые вопросы, но как нам кажется со временем законодательство в этой сфере будет улучшаться, и проблем будет становиться всё меньше. Однако стоит предложить свою версию виденья

объектов интеллектуальной собственности, мы считаем, что на данном этапе развития человеческой мысли необходим более гибкий механизм интегрирования в действующее законодательство новых объектов интеллектуальной собственности. Нами предлагается квалифицировать объекты по признакам характерным для всех ныне существующих результатов интеллектуальной деятельности.

По нашему мнению, данная позиция не совсем хорошо подчеркивает уникальность объектов интеллектуальной собственности, но в совокупности с иными позициями может более полно описать объекты интеллектуальных прав.

Кондратьева Е.А. выделяет семь признаков объектов интеллектуальной собственности:

- объект не материален;
- связан с творчеством;
- возникают исключительные права на объект;
- носит объективное выражение;
- предусмотрено законом;
- не отчуждаемость и не продаваемость;
- срочный характер исключительного права [18, с. 88].

Профессор Новоселова Л.А. к числу признаков относит:

- нематериальный характер;
- объективное выражение;
- вовлеченность в гражданский оборот;
- охраноспособность [25, с.120].

Из всех перечисленных позиций именно эту можно считать самой удачной, так как абсолютно все объекты интеллектуальных прав, подходят под эти признаки. Однако мы считаем, что данный список можно переформировать:

- объект должен быть не материален;

- полностью соответствовать параметрам охраноспособности;
- должен вызывать интерес у участников делового оборота;
- связан с творчеством;
- имеет объективное выражение;
- возникают исключительные права.

Если предполагаемый объект интеллектуальной собственности подходит под эти признаки и есть наработанная правоприменительная практика, то непременно нужно включить этот объект в нормы гражданского кодекса. Например, сайты в сети «Интернет» по составу – это сложные произведения, состоящие из набора команд и аудиовизуального оформления, они подходят под все вышеобозначенные критерии, а судебная практика давно признаёт за данными объектами правовую охрану, как в деле № А19-9305/2014. Но несмотря на то, что в теории и практике Интернет-сайт рассматривается как самостоятельный объект охраны, то он не закреплён за законодателем [40, с. 100].

В параграфе проанализированы все на данный момент известные Российскому законодательству объекты интеллектуальной собственности, изучили их особенности структуры и понятия. В понимании законодателя интеллектуальная собственность – это созданные в процессе творческого труда человека, продукты интеллектуальной деятельности, выражающиеся только в предусмотренной законом формах (перечисленные в статье 1225 ГК РФ), вовлечённые в гражданский оборот, так как в понятие интеллектуальная собственность авторы закона вкладывают только имущественные отношения, то обязательно в процессе создания объекта, должны возникать исключительные права.

1.3 Право собственности на интеллектуальные и вещные права

В данном параграфе будет проанализировано действующее законодательство Российской Федерации в области регистрации интеллектуальных и вещных прав. Так как государственная регистрация представляет собой выражение государственной политики и следствие регулирования одной из наиболее важных и высокотехнологичных областей экономики. Поэтому стоит, сначала рассказать про государственное регулирование и в последующем перейти к изложению законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, принципов и видах государственной регистрации интеллектуальных прав.

Государственное регулирование представляет собой деятельность государственных органов, направленной на реализацию государственной политики в сфере интеллектуальных прав. В этом процессе участвует, созданная в 2004 году Федеральная служба интеллектуальной собственности.

Губин Е.П., отмечает, что государственная регистрация, является необходимостью ввиду ограниченности рынка в производстве общественных товаров, поэтому институт государственной регистрации есть необходимый механизм сдерживающих негативные последствия рыночной экономики.

Большое количество учёных, которые изучают экономические процессы, в целом не отрицают необходимости государственного вмешательства в экономику. Дискуссия идёт в основном о методах и целях государственного воздействия от Марксизма и Кейнсианства, то есть активного вмешательства в экономику со стороны государства до Фридриха Хайека, который постулирует об увеличении доли частного предпринимательства. Первые два направления наиболее популярны и исходят из концепции «провала рынка» и его невозможности удовлетворить публичные интересы. [41, с. 86].

Проблема государственной регистрации заключается в противостоянии частных и общественных интересов. Как отмечал Шишкин С.Н., институт регистрации защищает только публичные интересы. Без государственного вмешательства невозможно обеспечить соблюдение прав и свобод упомянутых в Конституции РФ. Можно сделать вывод о том, что частные интересы не учитываются, потому что не берётся во внимание интересы субъектов предпринимательства. По этим причинам государственная регистрация может быть не эффективна, так как не обеспечивает равного регулирования. В нормативно-правовых актах встречается термин «оптимальное регулирование». По нашему мнению, корректнее говорить об оптимальном регулировании, чем о равенстве интересов, тут как во многих вопросах наблюдается противостояние частного и общественного интереса.

Вещное право, как категория имеет несколько значений. «Во-первых, вещное право рассматривается как подотрасль гражданского права, во-вторых - как вид имущественного правоотношения, в-третьих – как субъективное право лица в конкретном правоотношении. В законодательстве, в частности в Гражданском кодексе РФ, термин «вещное право» употребляется в разных значениях. Например, в п. 1 ст. 216 ГК РФ законодатель широко понимает вещные права – как права на имущество, принадлежащее собственнику, а также производные от него права других лиц – не собственников на это же имущество. Вещные права в широком смысле можно противопоставить обязательственным, вытекающим из договоров. А в п. 2 ст. 216 ГК РФ вещные права противопоставляются праву собственности и выступают как вторичные, производные от права собственности и абсолютные по характеру права на имущество, принадлежащее другому лицу. Эти права называют еще ограниченными или иными вещными правами. В римском и русском дореволюционном праве они именовались правами на чужие вещи» [10, с. 347].

Содержание любой категории наиболее полно раскрывается через совокупность характеризующих ее признаков. Сказанное в полной мере относится и к вещным правам. Выявление характерных черт вещных прав поможет в отграничении их от прав обязательственных.

«В римском праве право выводилось из исков. Римские юристы не выделяли вещные и обязательственные права. Они говорили о наличии двух исков – личного и вещного. В Институциях Гая сказано, что вещный иск имеет место тогда, когда мы заявляем и утверждаем, что физическая вещь - наша, или поднимаем спор о том, что мы имеем какое-либо право, например, право пользования, право пользования, прохода, прогона скота, водопровода или право производить постройки выше известной меры, право просвета. Личным же считался иск, который вчинялся против того, кто должен был или передать, или сделать, или предоставить что-нибудь заявителю» [14, с. 37].

Из этих двух определений логически можно вывести вполне определенные признаки, характерные черты вещных прав. «Во-первых, объектом вещных прав являются физические вещи, в противоположность правам обязательственным, объектом которых являются действия других лиц (передать, сделать, предоставить что-нибудь).

Во-вторых, обладатель вещного права удовлетворяет свои потребности путем непосредственного взаимодействия с вещью (сам пользуется вещью, прогоняет скот, проводит водопровод через чужой участок и т.д.), т.е. путем осуществления принадлежащего ему права. В обязательственном же правоотношении лицо может удовлетворить свои потребности только в результате осуществления его контрагентом определенных, оговоренных действий. Таким образом, если в первом случае лицо имеет право на вещь (право непосредственного воздействия на вещь), то во втором случае - только право требовать от другого лица предоставления вещи.

В-третьих, если личный иск может быть предъявлен только к лицу, которое обязалось передать, сделать или предоставить что-нибудь, то вещный

иск может быть предъявлен против любого, кто нарушит право лица. Из этого следует, что вещные права обладают таким признаком, как абсолютный характер этих прав. Это значит, что в вещных правоотношениях управомоченному лицу (например, собственнику, usufructуарию, залогодержателю) противостоит неограниченный круг пассивных субъектов, иными словами, лиц, которые обязаны воздерживаться от любых действий, нарушающих право управомоченного лица, т.е. всех других участников имущественных правоотношений.

В-четвертых, разграничение вещных и обязательственных прав проводится по способам защиты. Для защиты вещных прав предусмотрены вещные иски, для защиты прав, вытекающих из договоров, квазидоговоров и деликтов, - личные. Одним из вещных исков является виндикационный иск. Например, в соответствии с Дигестами Юстиниана можно виндицировать собственную вещь, usufruct, сервитут, заложенное имущество» [14, с. 38-40].

Методы государственного регулирования обычно сводятся к административным средствам воздействия, применительно к интеллектуальной собственности это регистрация программ ЭВМ, изобретений, поездных моделей, баз данных, топологии интегральных микросхем и т.д. В целом это прямой метод, также есть косвенные методы.

Регистрация интеллектуальных прав важный процесс и один из способов охраны интеллектуальных прав. Участие в деловом обороте, требует наличие брэндов, товарных знаков или знаков обслуживания для отличия своей продукцией от конкурента, что в условиях рыночной экономики особенно важно. В связи постоянной конкуренцией и желанием заработать, крупные компании стараются обезопасить себя от нежелательных издержек и максимизировать прибыль. В этом им помогает регистрация товарных знаков и знаков обслуживания и иной интеллектуальной собственности. Для начала предлагаю проанализировать общие положения законодательства о регистрации интеллектуальных прав.

«При нарушении вещных прав во всех случаях, когда таким нарушением обладателю права были причинены убытки, он может требовать их возмещения. Причем такой иск может быть предъявлен независимо от применения других способов защиты. Также вещные права могут защищаться и с помощью исков о признании права. Например, такой иск может предъявляться фактическим владельцем, который не может подтвердить свое право бесспорными правоустанавливающими документами, в случае предъявления к нему требования об изъятии имущества. После истечения срока приобретательной давности владелец становится собственником и может требовать признания своих прав на имущество, в том числе и с помощью иска о признании права. Аналогичный иск может быть предъявлен и субъектом права хозяйственного ведения (или оперативного управления), права которого не признаются и нарушаются третьим лицом, которое не имеет с ним обязательственных отношений по поводу вещи. Содержанием иска является подтверждение факта принадлежности истцу вещного права на имущество» [20, с. 88].

Обычно выделяют несколько принципов государственной регистрации интеллектуальных прав:

- обязательность. Стоит сказать об особенности данного принципа, при принятии решения о регистрации интеллектуальной собственности правообладатель должен узнать в какой степени – это необходимо, высшая степень выражается в невозможности осуществления прав без регистрации;
- достоверность;
- публичность сведений о регистрации. При соблюдении определённых условий каждый участник гражданского оборота может получить сведения из государственного реестра. Резюмируется, что сведения, содержащиеся в государственном реестре достоверны и правдивы, если не доказано иное. Также можно говорить о принципе

достоверности. По сути, данный принцип позволяет участникам гражданского оборота использовать информацию, занесённую в государственный реестр. Новеллой законодательства является обязанность правообладателя в уведомлении об изменениях, которые относятся к государственной регистрации интеллектуальной собственности (п. 1 ст. 1232 ГК РФ). Законодатель, беря во внимание, что данные, относящиеся к государственной регистрации, могут меняться, обязан изменить их в определённые сроки. В интересах правообладателя уведомить службу в сфере интеллектуальной собственности об изменениях;

- проверка законных оснований и учёт обременительных прав [30, с. 52].

На сегодняшний день существует два вида государственной регистрации. Обязательная государственная регистрация, которая преследует цели:

- уведомление третьих лиц об охране объекта интеллектуальных прав;
- установление правообладателя;
- информирует об охраняемых объектах, в том числе о содержании объекта;
- облегчает защиту нарушенного права.

Также есть факультативная государственная регистрация, оба вида сопровождаются публикацией сведений в официальных бюллетенях, сам состав сведений устанавливается самим органом власти осуществляющего регистрацию.

Есть несколько объектов интеллектуального права, подлежащих обязательной регистрации:

- «1) секретное изобретение;
- 2) селекционное достижение;
- 3) наименование места происхождения товара;

- 4) товарный знак и знак обслуживания;
- 5) изобретение, полезная модель и промышленный образец» [32, с. 43].

Достаточно интересно выглядит, то, что регистрацию отдельных видов осуществляет как Роспатент, так и специализированные органы, и государственные корпорации: «Росатом» и «Роскосмос», государственную регистрацию селекционных достижений осуществляет Минсельхоз России.

Существует и факультативная регистрация охраняемых объектов. Правообладатель может осуществить государственную регистрацию в течении всего времени действия исключительного права. По своему желанию можно зарегистрировать:

- топологию интегральных микросхем;
- программу ЭВМ, базу данных, кроме сведений, содержащих государственную тайну.

При этом Роспатент не осуществляет никаких экспертиз в отношении предоставляемых сведений. Регистрация таких объектов называется государственной, потому как осуществляется государственным органом, но закон не содержит каких-либо конструктивных причин, так как введена для облегчения доказывания. Государственная регистрации топологии интегральных микросхем также устанавливается как право, факт, который не влияет на признание права и предоставления правовой защиты, но регистрация возможно только в период действия исключительных прав, после их истечения они переходят в общественное пользование. Хотя не прекращает личных прав автора.

Обозначение, считается товарным знаком только в том случаи, когда оно будет зарегистрировано в Роспатенте. Чтобы воспользоваться преимуществами государственной охраны нужно пройти определённую процедуру, которая начинается с подачи заявки.

В заявке указывается:

- заявление о государственной регистрации;

- заявленное обозначение;
- перечень товаров, для которых осуществляется государственная регистрация и класс МКТУ;
- описание заявленного обозначения.

Новацией ГК РФ стало закрепление в пункте 3 ст. 1227 общего принципа соотношения интеллектуальных и вещных прав; речь идет о неприменимости положений раздела II ГК РФ к интеллектуальным правам, если иное не предусмотрено правилами раздела VII ГК РФ. Вероятно, данная норма относится не к интеллектуальным правам в целом, а лишь к случаям, когда они воплощены в материальном виде (на носителе). В то же время и в данном случае, т.е. при сужении толкования смысла нормы, он представляется неявным. Мы исходим из того, что вещные права применимы к вещам (материальным носителям), тогда как интеллектуальные - к идеальным объектам, возможно, и соединенным с материальными носителями. Таким образом, нормы, относящиеся к вещным правам, в принципе неприменимы к интеллектуальным правам. Данная позиция доминирует в литературе.

Роспатент в официальном источнике информации сведения о заявках на «средства индивидуализации». По принимаемым заявкам проводится экспертиза. Экспертиза включает в себя формальную и экспертизу обозначения, объекта, заявленного как товарный знак. В ходе формальная экспертизы проверяется наличие всех необходимых документов, по результатам такой экспертизы заявка принимается на рассмотрение. Экспертиза обозначения, заявленного в качестве торгового знака, также проводится по заявлению, принятого в результате проведения формальной экспертизы, в ходе её проведения проверяется соответствие самого обозначения нормам гражданского законодательства. После всех необходимых процедур Роспатент принимает решение о регистрации товарного знака.

Рассматривая соотношение интеллектуальных и вещных прав, следует обратить внимание и еще на один важный момент. В России в силу особенностей ее развития преимущественно без частной собственности культивировалось отрицание последней, формировался правовой нигилизм, экспроприационная модель поведения. В значительной части общества сложилось негативно стойкое отношение к чужой собственности, полностью распространившееся и на интеллектуальную собственность, которая на уровне обыденного правосознания считается большей частью населения общей. Специфика России, имеющая слабо развитые механизмы охраны и защиты интеллектуальных прав, настоятельно требует действенных мер по формированию уважительного отношения к этому феномену средствами образовательной, воспитательной практики и правоохранительной деятельности.

Наименование происхождения товара – это ещё один объект интеллектуальных прав, которому предоставляется охрана. Процедура похожа на регистрацию товарного знака, но только имеет свою специфику.

Определение порядка и условия государственной регистрации данных юридических фактов принадлежит Правительству РФ. В данный момент действует Постановление Правительства РФ от 24.12.2015 года № 1416 в редакции от 17.04.2020 года «Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, зарегистрированную топологию интегральных микросхем, программу для ЭВМ, базу данных, товарный знак и знак обслуживания по договору и без договора». Роспатент уполномочен проверять переход исключительных прав на объекты патентных прав, частности проверяется предмет договора (номер патента, правовая охрана, срок действия исключительного права) сведения о патентообладателе и все данные имеющиеся в государственном реестре. С учётом всего изложенного может идти речь о принципе законности оснований для перехода исключительного

права. При этом Роспатента нет полномочий по проверке подлинности предоставляемых документов, полномочий лица, предоставившего документы, подлинность штампов и подписей.

Роспатент также регистрирует залог объектов интеллектуальной собственности. В этом случае идёт речь о принципе учёта обременений права. Говоря о государственной регистрации прав на интеллектуальную собственность, нельзя упускать из виду принципы государственной регистрации, изложенные в ст. 8.1 ГК РФ. По мнению исследователя Бевзенко Р.С. цель статьи 8.1 ГК РФ – это создание общего свода правил о государственной регистрации, и законодатель никак не ограничивает сферу применения этих норм, законодатель преследовал цель создания общих правил регистрации. Ввиду этого 8.1 ГК РФ может применяться и к интеллектуальной собственности.

Глава 2 Исследование защиты интеллектуальных и вещных прав на современном этапе

2.1 Анализ практики защиты интеллектуальных и вещных прав

Суды рассматривают споры о защите нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав.

Полномочия Суда по интеллектуальной собственности определены ФЗ «Об арбитражных судах в РФ» и АПК РФ. Определенное развитие нормы закона получили в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08 октября 2012 г. № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам».

Работа каждого суда находится в зависимости от вопросов юрисдикции, так как нарушение положений может вызвать отмену решения, по существу.

Это вызвано тем, что, исходя из ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, никто не может быть лишен права на рассмотрение дела в суде. В то же время следует отметить, что позиции высшей судебной власти по этому вопросу сильно различаются.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П определяет: право каждого на судебную защиту через законный, независимый и беспристрастный суд означает, в частности, что дела рассматриваются законным, а не произвольно выбранным судом, без ущерба, полностью, всесторонне и объективно.

Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 144 определяет: ст. 270, 288 и 304 АПК РФ во взаимосвязи с ч 4 ст. 39 данного Кодекса в существующей правовой системе арбитражные, кассационные и надзорные инстанции отменяют решение третейского суда первой инстанции.

В то же время Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального

законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции, пояснил, что нарушение правил юрисдикции суда первой инстанции не является безусловной причиной отмены решений Апелляционного суда. Дело может быть передано в юрисдикцию суда первой инстанции, если в апелляции или представлении было указано на нарушение правил юрисдикции.

В любом случае, различные подходы вышестоящих судов к вопросу нарушения правил юрисдикции не дают суду первой инстанции права игнорировать эти нормы.

Пункт 1 Постановления № 60 определяет, что переданный в суд иск, который не подлежит оценке судом первой инстанции, возвращается заявителю на исходя из п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ. Если это обстоятельство выясняется при получении ходатайства о судебном разбирательстве в сфере интеллектуальной собственности, он передает дело в компетентный арбитражный суд в соответствии со своей юрисдикцией исходя из ст. 39 АПК РФ.

В ходе практики Суда по интеллектуальной собственности были собраны определенные правила о юрисдикции. Необходимо начать с простых, очевидных ситуаций, по которым у практикующих юристов не должно быть разных мнений.

Индивидуальный предприниматель К. обратился в Суд с иском к государственному казенному учреждению о взыскании с него 19 млн. рублей (предположительно компенсации за нарушение исключительных прав). Определением Суда по интеллектуальным правам от 24 мая 2016 г. исковое заявление возвращено предпринимателю ввиду его неподсудности данному суду. Принимая во внимание выводы Суда первой инстанции, Президиум Суда заявил, что требования предпринимателя о взыскании средств с государственного учреждения должны быть рассмотрены в первую очередь

Арбитражным судом основных субъектов РФ в соответствии с общим порядком.

Еще один пример поспешного, неоднозначного обращения. Несколько граждан из северной столицы обратились в Суд по правам интеллектуальной собственности с заявлением, ставящим под сомнение Правила пребывания для посетителей общих судов общей юрисдикции. В качестве заинтересованных лиц были привлечены руководители Правительства РФ, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания.

Определением от 20 июня 2016 г. заявление было возвращено заявителями исходя из п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, поскольку оценка требований, содержащихся в заявке, не связана с юрисдикцией суда первой инстанции по правам интеллектуальной собственности в качестве суда первой инстанции.

В этом случае вопрос касался юрисдикции спора. Делая запрос, граждане не утверждали, что оспариваемый закон нарушает их права и интересы, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Особенностью Суда по интеллектуальным правам как специализированного суда является то, что в силу ч. 6 ст. 27 АПК РФ (в редакции ФЗ от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ), дела, отнесенные к подсудности Суда исходя из ч. 4 ст. 34 Кодекса, рассматриваются независимо от того, участвуют ли юридические стороны, индивидуальные предприниматели или другие организации и граждане в правовых отношениях, которые привели к возникновению спора или претензии.

Соответственно, критерий состава сторон в споре не имеет отношения к суду первой инстанции как суду первой инстанции. Критерий характера правоотношений выходит на первый план. Поскольку правила, оспариваемые гражданами, не касаются степени патентных прав, Суд применил правила юрисдикции и вернул заявление. Такой подход представляется правильным.

Юрисдикция нарушений прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности, что означает способы

индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, установление владельца патента, права на его использование после использования, а также споры, возникающие из договоров о краже исключительных прав и лицензионный договор определяется на основе предметного состава сторон в споре, если такой спор связан с осуществлением коммерческой и иной хозяйственной деятельности (п.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ»).

В зависимости от субъектного состава (физические или юридические лица участвуют в процессе) дела о нарушении права интеллектуальной собственности рассматривают суды общей юрисдикции или арбитражные суды.

Исходя из п. 4 ст. 22 ГПК РФ, если подача в суд заявления с несколькими связанными исками, некоторые из которых подпадают под юрисдикцию суда в целом, а другие подлежат рассмотрению в арбитражном суде, разделение исков невозможно, вопрос подлежит оценке и урегулированию в суде общей юрисдикции. Если же разделение требований возможно, судья выносит определение о принятии требований, подведомственных суду общей юрисдикции, и об отказе в принятии требований, подведомственных арбитражному суду.

С 1 июня 2016 года установлен обязательный претензионный (досудебный) порядок урегулирования большинства гражданско-правовых споров в арбитражном процессе.

Специальный суд по защите прав интеллектуальной собственности – Суд по правам интеллектуальной собственности – входит в состав арбитражных судов относительно недавно – с 2013 года. В случае, если дела по подсудности подпадают под юрисдикцию суда по защите

интеллектуальных прав, обращаться в него могут как физические, так и юридические лица, и индивидуальные предприниматели.

В соответствии со ст. 4 АПК РФ «до подачи иска в арбитражный суд необходимо предварительное направление ответчику претензии, если иное не установлено законом либо договором. Судебные споры в области интеллектуальной собственности рассматриваются:

- с предъявлением претензии – в арбитражных судах, в том числе в суде по интеллектуальным правам (если иное не предусмотрено договором или законом);
- без предъявления претензии в арбитражном суде в случаях, прямо указанных в законе (например, по вопросу досрочного прекращения правовой охраны ТЗ в связи с его неиспользованием)».

Использованием промышленных образцов в продукте или изделии будет считаться факт, когда такой продукт или изделие также, как и в описанных выше случаях, содержит в себе всю совокупность существенных признаков конкретного промышленного образца или совокупность таких отличительных черт, которая производит на информированного потребителя общее впечатление, аналогичное общему впечатлению потребителя от запатентованного промышленного образца. В данном случае также существенным условием выступает тот факт, что оба изделия имеют сходное потребительское назначение и свойства [3, с. 25].

В данном контексте следует охарактеризовать также то, что современный отечественный законодатель понимает и под фактом незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности. Как следует из существа норм гражданского законодательства, в данном случае под этим процессом в основном следует понимать использование результата интеллектуальной собственности каким-либо третьим лицом, не имея на это согласие правообладателя, в случае если оно необходимо.

Приведем пример из практики. Так, 28.03.2018 г. в УФАС Республики Крым поступила жалоба общества «ОАЗИС» о нарушении антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами при реализации товара (майонезной продукции) на территории Республики Крым с товарным знаком «ОЛС» и использованием упаковки, сходной до степени смешения с упаковкой заявителя. «По факту поступления жалобы УФАС 05.04.2018 года был издан приказ о возбуждении дела № 05/1028-18 и создании комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства в отношении общества «Крымторг-С» в связи с наличием признаков нарушения статей 14.5, 14.8 Закона о конкуренции при реализации на территории Республики Крым майонезной продукции с использованием упаковки, сходной до степени смешения с внешним видом и цветовой гаммой упаковки товара, реализуемого обществом «ОАЗИС». Решением УФАС от 17.08.2018 по делу № 05/1028-18 общество «ЛТ-Крым» признано нарушившим ст. 14.5 Закона о конкуренции» в форме осуществления недобросовестной конкуренции, связанной с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности общества «ОАЗИС» в форме продажи майонеза «ОЛС» в упаковке, сходной до степени смешения с упаковкой товара, правообладателем которой является общества «ОАЗИС» и ему предписано прекратить нарушение антимонопольного законодательства».

В дальнейшем данное решение комиссии УФАС по Республике Крым было поддержано постановлением Суда по интеллектуальным правам от 10.12.2019 г. № С01-1271/2019.

Кроме того, Определением Верховного Суда РФ от 24.03.2020 г. № 310-ЭС20-3397 обществу «ЛТ-Крым» было отказано в передаче дела № А83-14576/2018 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в кассационной инстанции.

В другом примере. Решением Комиссии УФАС по Курской области от 02.02.2017 г. по делу № 03-05/47-2016 установлен факт нарушения ст. 14.5, п.

2 ст. 14.6 Закона о конкуренции со стороны генерального директора ООО «Импорттрейд», подтвержденная заключением специалиста ООО «Центр по проведению судебных экспертиз и исследований» согласно которому по результатам комплексного автороведческого искусствоведческого исследования от 11.07.2016 г. произведение графики и дизайна «Megasil Момент» (упаковка товара жидкие гвозди) является производным произведением (переработкой) по отношению к произведению графики и дизайна «Момент Монтаж» (упаковка товара). Характер сравнительного восприятия среди потребителей дизайна обеих упаковок показал, что на то, что он сходен или скорее сходен с дизайном упаковки жидких гвоздей «Момент Монтаж» указали 87,5% потребителей.

В дальнейшем данное решение было признано обоснованным постановлением Курского областного суда от 21.02.2018 г. по делу № 4А-21/2018.

Вместе с тем, в современной отечественной практике УФАС отдельных регионов допускается необоснованное привлечение к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства добросовестных хозяйствующих субъектов. Поэтому в данном случае следует позитивно оценить роль созданного в нашей стране Суда по интеллектуальным правам. В качестве примера подобных решений можно выделить, например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.10.2019 г. № С01-752/2018 по делу № А40-180850/2017, отменившего предписание к ФАС г. Москвы от 07.09.2017 г. по делу № 1-14-94/00-08-16; решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.01.2019 г. по делу № А40-180850/2017; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2019 г. по делу № А40-180850/2017.

Таким образом, можно выделить два основных случая, где возможно легальное использование рассматриваемых результатов, а именно:

- в случае, если на использование результатов интеллектуальной собственности прямо получена лицензия или иное соответствующее разрешение правообладателя в необходимой по закону форме;
- в случае, если использование неких результатов интеллектуальной собственности по закону можно осуществлять без согласия правообладателя. Характерным примером в данном случае может являться ст. 1272 ГК РФ, согласно которой в нашей стране допускается распространение правомерно введенных в товарооборот оригиналов либо экземпляров произведения, науки литературы либо искусства. Причем в таком случае правообладатель не обязан давать согласие на такое распространение, оно подразумевается «априори», равно как и претендовать на получение своего вознаграждения в рамках подобного распространения.

Кроме того, в этом контексте можно привести пример и ст. 1280 ГК РФ, согласно которой владелец программы для ЭВМ имеет право осуществлять определенные законом действия без согласия правообладателя, и не выплачивая тому вознаграждение.

Наряду с этим, следует также отметить, предоставляемое согласно п. 1 ст. 1361 ГК РФ право «преждепользования» изобретения, полезной модели или промышленного образца, согласно которому «лицо, которое до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца добросовестно использовало на территории РФ созданное независимо от автора тождественное решение или решение, отличающееся от изобретения только эквивалентными признаками, либо сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования» [5, с. 47].

Вместе с тем, в Постановлении № 10 Верховный суд указал о недопустимости расширения территории использования изобретения. Данное

обстоятельство логично следует из ограниченного характера права преждепользования. Так, на практике суды нередко устанавливают, в частности, предельные размеры продукции, допустимые выпускаться в рамках реализации данного права без нарушения исключительного права правообладателя. Однако, возникает вопрос о том, как именно должно применяться на практике правило о недопустимости расширения территории использования изобретения.

Представляется, что в данном случае можно вести речь лишь о том, что право преждепользования не дает возможности расширить географию производства продукции. Но возникает справедливый вопрос, что делать в случае, когда подобное расширение необходимо, например, из-за причин экономического плана (отсутствие в регионе сырья, необходимого для производства продукции и т.п.). В этой связи следует заявить о том, что территориальное ограничение преждепользования в данной ситуации – это необоснованно и неоправданно, если хозяйствующим субъектом все остальные запреты, положенные по закону – соблюдаются в полном объеме.

Кроме того, правоприменительная практика может подойти к тому, что суды станут «ставить вопрос о невозможности продажи товара покупателям из новых регионов, что не согласуется с тем, что действие патента не распространяется на товары, которые были правомерно введены в гражданский оборот» [11, с. 4]. Безусловно, подобная практика будет несправедлива. Кроме того, географические границы рынка покупателей товара могут сместиться, однако объем товаров, производимых хозяйствующим субъектом, останется на прежнем уровне (то есть произойдет ограничение исключительного права патентообладателя).

В этой связи, в настоящее время вводить территориальные ограничения права преждепользования, по нашему мнению, является излишним, из-за сложностей применения на практике, а также и из-за размытой формулировки,

позволяющей её некорректно истолковать, не учитывая существо права преждепользования и иных изъятий из исключительного права.

Безусловно, следует объективно понимать, что не всегда «нарушение исключительного права на результаты интеллектуальной собственности есть пример недобросовестной конкуренции» и повод к обращению в суд с требованием устранения нарушения российского антимонопольного законодательства.

В случае, когда некое лицо производит товар с использованием не своего результата интеллектуальной собственности, однако в оборот его не вводит, то подобные действия хозяйствующего субъекта уже не могут расцениваться в качестве нарушения антимонопольного законодательства и считаться недобросовестной конкуренцией [13, с. 10].

Более того, необходимо также иметь ввиду, что в данном конкретном случае, под запрет попадают действия хозяйствующих субъектов, которые не только противоречат ГК РФ, но и содержат признаки состава недобросовестной конкуренции, определенные п. 9 ст. 4 Закона о конкуренции, а именно:

- «1) направленность действий на получение преимущества при осуществлении предпринимательской деятельности;
- 2) противозаконность;
- 3) противоречие обычаям делового оборота, требованиям порядочности, разумности и справедливости;
- 4) способность причинения убытков или вреда деловой репутации».

Подлежат запрету действия, которые могут каким-то способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной либо торговой деятельности конкурента. Данное правило закреплено в форме запрета на недобросовестную конкуренцию в форме смешения, установленном ст. 14.6 Закона о конкуренции.

Указанная выше статья предусматривает, что в России запрещена недобросовестная конкуренция при помощи совершения юридическим лицом действий либо бездействия, которые способны вызвать смешение.

Например, «нелегальное использование обозначения тождественного определенному товарному знаку, фирменному наименованию, коммерческому обозначению, наименованию места происхождения продукции или сходного до смешения с ним при помощи размещения на упаковке товара, этикетках, самом товаре или иного использования в отношении продукции, которая продается или другим способом вводится в оборот, а также за счет использования в сети Интернет, в т.ч. размещение в доменном наименовании (доменном имени) и при иных способах адресации».

Безусловно, в отношении размещение незаконного использования обозначения тождественного определенному товарному знаку, фирменному наименованию, коммерческому обозначению, наименованию места происхождения продукции или сходного до смешения с ним в современных доменных наименованиях (доменных именах) слов, похожих на степень смешивания с товарным знаком в HTML-коде, оказывает существенное влияние на результаты поиска, и, следовательно, увеличивает трафик интернет-сайта, привлекает потенциальных потребителей, поощряет продукцию ответчика, однородную с точки зрения продуктов, а производитель, обладающий исключительными правами на эту торговую марку, терпит убытки, что, в свою очередь, порождает недобросовестную конкуренцию.

Так, в деле решением ФАС России от 04.06.2012 г. по делу № А40-96161/12-17-935 в качестве недобросовестной конкуренции были признаны действия ООО «Самарский майонезный завод», в результате которых потребитель был введен в заблуждение относительно ассортимента продукции, произведенной из икры под названиями:

– «Икра классическая № 1»;

- «Икра с копченым лососем № 2»;
- «Икра подкопченая № 3».

Основанием для принятия такого решения стало обращение ООО СП «Санта-Бремор». В ходе разбирательства было установлено, что истец первым ввел в оборот в РФ икру мойвы с идентичными наименованиями и упаковал её в банки, оформление которых очень сходно по своей цветовой гамме с оформлением банок с аналогичной продукцией, предлагаемой потребителю ООО «Самарский майонезный завод».

Оспаривание данного решения ФАС в судебной инстанции ООО «Самарский майонезный завод» результата не принесло, так как решение было признано обоснованным (проведено социологическое исследование, в результате которого более половины респондентов (51,5%) показали на схожесть элементов названия и надписи товаров, а 44,1 % – на схожесть формы и размера упаковки (банки) и цветовой гаммы этой продукции. В данном случае правоприменительной практикой была признана недобросовестная конкуренция;

Другими примерами могут служить «копирования либо имитации внешнего вида товара, вводимого в оборот юридическим лицом-конкурентом, упаковки товара, этикетки, наименования, цветовой гаммы, фирменного стиля (в комплексе фирменной одежды, оформления зала, витрины), либо иных элементов, способных индивидуализировать данное юридическое лицо или его товар».

«Основными средствами индивидуализации на практике выступают: товарный знак, наименование места происхождения товара и фирменное наименование. В данном аспекте недобросовестную конкуренцию необходимо понимать в качестве определенных действий по эксплуатации коммерческой ценности, различительной способности и известности средств индивидуализации юридического лица-конкурента, производимых тем товаров или услуг. Необходимо отметить, что так называемая

«различительная способность» товаров и индивидуализирующих его средств, к которым относится дизайн этикетки либо упаковка товарного знака, фактически приобретает не в момент их создания как объектов авторского права» [40, с. 79], а в момент нахождения такого товара с таким дизайном и в упаковке в обороте, то есть когда его отличительные визуальные свойства позволяют выделить его для потребителей и конкурентов на определенном товарном рынке.

Поэтому, нельзя говорить о том, что, приобретя аналогичную, например, этикетку у того же дизайнера, обладающего на нее авторскими правами, хозяйствующий субъект может таким образом обойти запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную со смешением.

Вместе с тем, не всегда действия хозяйствующего субъекта в похожих случаях судом расцениваются как смешение. Так, например, Президиум ВАС России давая правовую оценку комбинированному товарному знаку «Nivea» по свидетельству № 720172 и соответствующей продукции, где он размещен, а также устанавливая факт смешения с ним похожей продукции под товарным знаком «Livia» указал, что оба товарных знака в продукции косметического назначения обладают в России существенной различительной способностью и широко узнаваемы среди потребителей, поэтому их смешение в данном случае не происходит.

Следовательно, данный вывод позволяет заключить, что важным принципом при оценке вероятности судом факта смешения выступает именно субъективное восприятие этого непосредственными потребителями товаров, несмотря на важность таких факторов, как внешний вид, упаковка товара, этикетка, наименование, цветовая гамма, фирменный стиль и т.п.

Данный факт подтверждается также судебной практикой. Так, ещё в информационном письме ВАС России от 13.12.2007 г. № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением

законодательства об интеллектуальной собственности» и не утратил своей актуальности в современной правоприменительной практике.

Таким образом, «чтобы признать факт смешивания, необходимы следующие условия:

- средство индивидуализации должно обладать широкой различительной способностью и известностью у потребителей, обладало связью с правообладателем (имеется ввиду ассоциативная связь);
- товары введены в оборот на одном и том же товарном рынке;
- существует вероятность того, что потребитель перепутает товар и купит один вместо другого или у него будет впечатление связанности товаров друг с другом;
- ответчик применил элементы оформления оригинального продукта на товарном рынке» [19, с. 112].

В частности, смешиванием будут являться действия, когда определенный производитель, например, шоколадных изделий использует широко известный дизайн другой компании в качестве украшения упаковки своей продукции. Скорее всего, это создаст угрозу для смешивания и будет способствовать недобросовестному участнику рынка, используя деловую репутацию добросовестного производителя и широкую различительную способность конкретной торговой марки, привлечь потребительский спрос на свой продукт и тем самым получить преимущество в бизнесе.

Кроме того, эти действия могут привести к потере других производителей шоколадных изделий, которые для продвижения своей продукции не прибегают к использованию широко известного дизайна упаковки продукта, популярных среди потребителей.

«Действия по смешиванию могут квалифицироваться как недобросовестная конкуренция по тем же самым общим основаниям, установленным Законом о конкуренции, если они: осуществляются

предприятием-конкурентом; предполагают своей целью получение преимуществ в предпринимательской деятельности; нарушают антимонопольное законодательство, обычаи делового оборота и т.п.; причиняют убытки или ущерб деловой репутации. В целом, под смешением как процессом следует понимать прежде всего процесс нарушения антимонопольного законодательства, приводящий к тому, что благодаря заблуждению потребитель товара одного производителя ошибочно отождествляет этот товар с иным товаром другого производителя или допускает несмотря на отличия возможность производства обоих товаров одним производителем. Следовательно, в ходе такого смещения возникает риск введения потребителя в заблуждение относительно настоящего производителя товара. Поэтому в отечественной практике перед антимонопольными органами могут возникнуть вопросы в части приобретения обозначениями, идентичными товарным знакам, различительной способности, а также о наличии или отсутствии конкурентных отношений между сторонами дела» [22, с. 79-80].

Например, ответчик, торгуя в розницу с определенными товарами в пределах города Н., использует незарегистрированное название, аналогичное торговой марке заявителя. Заявитель обладает федеральной розничной сетью, но в городе Н. не имеет своих розничных магазинов, поэтому там он продает аналогичные продукты через Интернет. Ответчик ссылается на отсутствие конкурентных отношений в пределах города Н. так как заявитель не осуществляет в нем розничную деятельность и его товарный знак в городе Н. не представлен.

Наиболее интересными являются споры, вызванные столкновением фирменного наименования с аналогичными обозначениями, которые совпадают в части. Например, «Ювента» и «Ювента-Иваново», «Колибри» и «Колибри Компани», «АМРО Невское» и «Невское», и т.д.

Так, ООО «Газета Авооська» обратилась с иском к ООО «Новая газета» о запрете использования названия газеты «Новая Авооська», ссылаясь на то, это нарушает его право на фирменное наименование и торговый знак. Сравнивая фирменное наименование истца и ответчика и торговый знак, суд указал, что те совпадают словесно, графически, а также имеют звуковое сходство.

Средства индивидуализации, используемые истцом и ответчиком, содержат одну ключевую лексическую единицу «Авооська». Отличительной особенностью этих объектов является вспомогательный лексический элемент – «новый» – и использование тире при написании графиков. Учитывая вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что фирменные наименования «Авооська» и «Нью-Авооська» схожи до степени смешения.

Кроме того, довольно часто хозяйственные субъекты, имеющие иностранное название, добавляют к нему указание своего местоположения, например, «Иваново», «Москва» и т.д. Представляется, что такое добавление оригинального названия не может быть достаточным, чтобы устранить опасность смешивания обозначения в глазах рядовых потребителей.

На практике наиболее острый вопрос связан со спорами относительно схожих и тождественных фирменных наименований юридических лиц. Например, одна кондитерская компания имеет торговую марку «Василек», а другая компания с названием «Голубой василек» занимается подобным видом деятельности. В итоге – возникает проблема с правильной интерпретацией понятия «сходство по степени смешения».

Само понятие «сходство до степени смешивания» широко используется в области правовой защиты фирменного наименования юридического лица. В ГК РФ нет юридического определения этого понятия, но такое определение содержится в нормативно-правовых актах.

Сходство в степени смешения является ассоциацией фирменных наименований друг с другом, несмотря на индивидуальные различия.

Например, арбитражный суд Саратовской области, а несколько позднее и апелляционная инстанция отказал в удовлетворении иска об изменении фирменного наименования ЗАО «АП Саратовский завод резервуарных металлоконструкций» к ООО «Саратовский резервуарный завод» несмотря на то, что оба предприятия осуществляли производство металлических резервуаров.

Отказывая признавать данный факт, суд первой инстанции исходил из того, что нарушение исключительного права в данном случае отсутствует, так как фирменное наименование общества «АП Саратовский завод резервуарных металлических конструкций» и общества «Саратовский резервный завод» не схожи до степени смешения.

Вместе с тем, Суд по интеллектуальным правам РФ в качестве кассовой инстанции пришел к выводу, что существуют правовые основания для их отмены, так как обозначение – считается близким до степени смешения группировки с другим обозначением, если оно связано с ним в целом, несмотря на индивидуальные различия.

При определении сходства в обозначениях исследуется в основном звуковое, графическое и смысловое сходство в обозначениях, а также значимость положения, занимаемого тождественным или сходным элементом в указанном обозначении. Суд по интеллектуальным правам РФ сделал вывод, что наименования общества «АП Саратовский завод резервуарных металлических конструкций» и общества «Саратовский резервный завод» сходны до степени смешения, при этом обе организации ведут идентичную предпринимательскую деятельность.

В другом примере, решением арбитражного суда Смоленской области по делу № А62-4588/2015 были удовлетворены иски ООО «Нефтика» к ООО «Нефтика-С» о прекращении использования фирменного наименования, сходного с фирменным наименованием истца до степени смешения.

Судом было установлено, что ООО «Нефтика» (зарегистрировано в 1999 году в г. Брянск) обратилось в арбитражный суд Смоленской области с иском к «ООО Нефтика-С (зарегистрировано в 2015 году в г. Смоленск) об обязанности хозяйствующего субъекта, являющегося ответчиком, прекратить использование фирменного наименования, сходного с фирменным наименованием истца до степени смешения, в части слов «Нефтика», путем внесения изменений в учредительные документы или изменения фирменного наименования.

Вместе с тем, в практике имеются факты отклонения судами требований истца относительно схожести его фирменного наименования с фирменным наименованием ответчика. Так, в практике арбитражного суда Липецкой области, на основании данных лингвистической экспертизы, было отклонено подобное требование ЗАО «Липецкэнергоремонт» к ЗАО «Липецкэнергоремонтинвест». Однако постановлением Суда по интеллектуальным правам от 02.12.2014 г. решение по этому делу было отменено, дело направлено на новое рассмотрение, в результате которого было указано, что «вопрос о сходстве до степени смешения» представляет собой вопрос факта и может быть разрешен без экспертизы. Более того, также было указано, что для признания средств идентификации участников оборота и производимых ими товаров и услуг сходными до степени смешения достаточно установить наличие самой опасности такого смешения. Поэтому с учетом того, что оба ЗАО со спорным фирменным наименованием осуществляют свою предпринимательскую деятельность в одинаковой сфере и на одной территории, Суд по интеллектуальным правам удовлетворил исковые требования и обязал прекратить использование фирменного наименования ответчика, тождественного с фирменным наименованием истца до степени смешения.

В целях разрешения практических вопросов приказом Роспатента от 24.07.2018 г. № 128 было принято Руководство по осуществлению

административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знака обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (далее – Руководство), в соответствии с которым «установлен открытый перечень документов, которые могут служить доказательством приобретения обозначением отличительной способности, в который входили:

- контракты и договоры, доказывающие значительные объемы производства и продажи товаров (услуг), территориальный охват реализации товаров (услуг), а также, если они показывают длительность использования обозначения для разметки заявленных услуг или товаров;
- материалы для рекламных кампаний (медиа-публикации, телевизионные объявления, а также упоминание в литературе, кино и многое другое);
- социологические исследования, в которых есть акцент на приобретении различительной способности заявленного обозначения (цвета) относительно данного перечня товаров (услуг), производимых заявителем: вопрос формулируется так, чтобы доказать устойчивую ассоциативную связь цветового знака с определенным перечнем товаров (услуг) для конкретного производителя» [24, с. 348].

Однако распоряжением Правительства РФ от 18.12.2019 г. № 3081-р данный приказ был отменен. Одним из оснований такой отмены явилась позиция Суда по интеллектуальным спорам, что для установления факта недобросовестной конкуренции судам и антимонопольным органам не обязательно прибегать к обязательному назначению социологических исследований.

Пункт 4.1.2.3 Руководства предоставляет информацию для анализа указанного при регистрации обозначения (и его элементов), что может ввести в заблуждение по вопросу о производителе.

Наличие конкурентных отношений между заявителем и предполагаемым нарушителем, то есть факт введения в оборот товаров на одном и том же рынке, – общий признак недобросовестной конкуренции. С этой точки зрения необходимо обратить внимание на письмо ФАС России от 30.06.2017 г. № АК/44651/17 «О практике доказывания нарушений, квалифицируемых в соответствии с п. 2 ст. 14.6 «О защите конкуренции».

В соответствии с п. 17 постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях» общим признаком недобросовестной конкуренции выступает наличие конкурентных отношений между заявителем и предполагаемым нарушителем, т.е. введение в гражданский оборот товаров.

В соответствии с ч. 2 ст. 14.33 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установлена ответственность за недобросовестную конкуренцию, выразившуюся только во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средства индивидуализации, а не за любое незаконное использование таких результатов или средств. Поэтому административная ответственность наступает только для лица, что первым вводит в гражданский оборот товар с противозаконным использованием отдельных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

2.2 Возмещение убытков как гражданско-правовой способ защиты исключительных интеллектуальных и вещных прав

При анализе судебной практике по данной теме нами было установлено, что владельцы интеллектуальных прав за частую предпочитают взыскание с нарушителей компенсации. Предпочтение именно такого способа гражданско-правовой защиты, как взыскание компенсации, воспринимается правообладателями в качестве более быстрого и эффективного способа осуществления финансового давления на нарушителей интеллектуальных прав.

«Более того, компенсация, на наш взгляд обладает рядом преимуществ по сравнению с возмещением убытков. Так, одним из преимуществ является достаточно простой процесс осуществления доказывания при обосновании присуждения компенсации. Правообладателю необходимо доказать факт совершенного правонарушения, причем создается большая вероятность того, что нарушенные интересы правообладателя исключительных прав будут восстановлены вне зависимости от наличия убытков и их размера. В подтверждение необходимо указать, что суды в настоящее время выработали четкую позицию, согласно которой компенсация будет выплачена правообладателю вне зависимости от того наступили ли убытки и сформулирован ли их размер. Первоочередным является сам факт нарушения исключительных интеллектуальных прав. Также суды, при рассмотрении указанной категории дел, не должны акцентировать внимание на том факте, свидетельствующем об осознанности нарушителем неправомерного характера своих действий» [15, с. 123].

Это подтверждается и судебной практикой. В определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.03.2013 № ВАС-2566/13 по делу № А41-18346/2012, указано, что «доводы заявителя об отсутствии оснований для взыскания компенсации в связи с отсутствием убытков истца не могут

признаваться обоснованными... при этом правообладатель не обязан доказывать размер понесенных убытков» [4, с. 66].

«По сравнению с возмещением убытков компенсация имеет более простой механизм исчисления ее размера. Истец по своему желанию обладает правом выбора способа исчисления размера компенсации. Это может быть как твердая денежная сумма, так и двухкратный размер стоимости реализованных контрафактных экземпляров произведений, а также двухкратный размер суммы, которая была получена от незаконного использования объекта интеллектуальной собственности» [23].

Однако следует обратить внимание на положения п. 43.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2, с. 297], согласно которому размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован.

В процессе определения размера компенсации суд учитывает следующие критерии. Во-первых, это характер допущенного нарушения. Во-вторых, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности. В-третьих, к списку учитываемых критериев можно отнести степень вины нарушителя. В-четвертых, суду надлежит учитывать еще и наличие нарушений исключительного права, которые были совершены ранее. В-пятых, суд должен учесть еще и вероятные убытки правообладателя. При принятии решения о размере компенсации суд должен учитывать в своей совокупности, как указанные выше критерии, так и принципы разумности и справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения.

Стоит также обратить внимание на то, что наличие возможности компенсации порождает возможность злоупотреблением правами. За частую

правообладатели значительно завышают размер компенсации и суд, при вынесении решения, снижает размер выплаты.

Так, «при рассмотрении экономического спора, который возник по факту нелегального использования результатов инженерно-геологических изысканий и взыскания компенсации в твердой денежной сумме в размере 1 669 000 рублей между двумя хозяйствующими субъектами, суд выявил злоупотребление правообладателем своим правом, обозначив ряд обстоятельств. Во-первых, в качестве одного из таких обстоятельств, суд назвал однократность и непродолжительность неправомерного использования результатов интеллектуального труда. Во-вторых, был учтен факт отсутствия реально причиненных имущественных потерь, в том числе убытков. В-третьих, невиновное заблуждение ответчика относительно правомерности использования результатов интеллектуальной деятельности ввиду того обстоятельства, что отчеты произведенных изысканий формировались и истцом, и ответчиком в рамках выполнения единого заказа, также послужило подобным основанием. В-четвертых, суд обратил внимание и на то, что размер запрашиваемой истцом компенсации рассчитывался на основе совокупной стоимости выполненных работ, а не исходя из цены экземпляров произведений. В-пятых, судом было обращено внимание на то, что общий размер заявленной компенсации в 167 раз превысил минимально установленный законом низший уровень, который составляет десять тысяч рублей» [27, с. 506].

«В судебной практике есть случаи, когда правообладатели некорректно осуществляют расчет компенсаций. Так, в судебном решении суд, указывал на то, что расчет компенсации выполнен неправильно, поскольку нарушение интеллектуальных прав заключалось в использовании архитектурного решения, являющегося частью проектной документации, что составляло 14% от базовой стоимости проектных подрядных работ» [31, с. 19].

«В процессе правоприменительной деятельности суды не редко в качестве основного обстоятельства снижения размера компенсации, считают отсутствие доказательств о наличии имущественных потерь, соразмерных требованиям компенсации. В одном из дел суд аргументировал отсутствие имущественных потерь тем, что оспариваемый объект результатов интеллектуального труда не был введен в гражданский оборот на возмездной основе. Суд при вынесении решения снизил размер присуждаемой компенсации со 120 до 50 тысяч рублей. Исходя из приведённой выше судебной практики, можно прийти к выводу о том, что в процессе «вынесения того или иного решения суд должен руководствоваться принципом справедливости и соразмерности, что выражается непосредственно в восстановлении имущественного положения потерпевшего. Именно, в связи с этим, в судебной практике наблюдается тенденция, при которой суды при разрешении споров приходят к тому, что размер возмещения компенсации правообладателю должен быть эквивалентен сумме всех произведенных, претерпеваемых потерь» [33, с. 46-47].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует сделать вывод о том, что компенсация в качестве способа защиты исключительных прав является альтернативным способом защиты. Компенсация отличается от возмещения вреда непосредственно тем, что представляет собой достаточно упрощенный порядок судебного доказывания и определение окончательного размера присуждения под контролем суда.

Анализ положений гражданского законодательства наглядно свидетельствует, что компенсация является своеобразной формой замены такой юридической конструкции, как возмещение убытков. Убедительной представляется точка зрения Е.Н. Васильевой, которая указывает, что возмещение и компенсация убытков соотносятся между собой как основная и специальная форма гражданской ответственности.

Глава 3 Проблемы и направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав

3.1 Проблемы защиты интеллектуальных и вещных прав

После принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году, в ст. 71 КРФ в сферу исключительного ведения Российской Федерации входит: «Правовое регулирование интеллектуальной собственности». После этого термин интеллектуальная собственность входит в гражданское законодательство. Хотя на первых этапах приравнивалась к исключительному праву, но в 2008 году статья 138 ГК РФ утратила свою силу. Легального определения нет до сих пор, хотя и неоднократно встречается в литературе [41, с. 32].

Создатели ГК пошли по пути наименьшего сопротивления, решив термин упоминать, но не давать ему легального определения. Но решили выдумать новый, «интеллектуальные права», обозначающие совокупность авторских, смежных и иных интеллектуальных прав, что, по сути, должно заменить термин «интеллектуальная собственность» и как считает Черничкина Г.Н., что этот подход более полно раскрывает смысл и существо регулируемых отношений. Автор данной работы придерживается немного иного мнения, надо сначала разобраться с одним термином хотя бы, в доктрине выработать единую позицию, которую потом можно взять за основу законодательных изменений и уже после можно строить иные правовые конструкции. Отдельно замечу, что окончательные выводы о природе и смысле термина необходимо будет сделать, хотя бы из международных актов, которые уже приняты Российским государством и стали частью его правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 КРФ [37, с. 348].

В данной ситуации, как пишет Л.А. Маковский возможно не дословное воспроизведение термина в национальных законах. По его словам, достаточно

лишь следование духу и смыслу международных соглашений. Между тем профессор не объясняет, что делать с аналогичным положением в Конституции РФ и так же замечу, что любая конвенция ввиду обозначенной выше нормы конституции (ч. 4 ст. 15), является напрямую частью законодательной базы Российской Федерации [40, с. 148].

Имеет место также более компромиссный подход, например, отдельные авторы выделяют интеллектуальную собственность, как права, предоставляемые на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к средствам индивидуализации. В целом стоит отметить о некорректности отождествления интеллектуальной собственности с результатами интеллектуальной деятельности, несмотря на это законодатель пошёл именно этим путём [36, с. 18].

Данные авторы считают возможным сохранение термина, но необходимо уточнить его юридический смысл. В целом в данном подходе идёт речь о приравнивании интеллектуальной собственности и исключительных прав, что, по мнению доктора юридических наук В.И. Еременко: «будет меньшим злом по сравнению с упречной во всех отношениях редакцией 1225 ГК РФ» [7].

Следует вернуться к самой теории об условности термина «интеллектуальная собственность». Основоположником этой версии является В.А. Дозорцев, он считал употребление данного термина возможным лишь в документах политического и экономического характера, без юридического контекста и признавал более подходящим термином «исключительные права». Стоит сказать, что тем самым В.А. Дозорцев документом, имеющим только политические и экономические характеристики, посчитал Конституцию РФ, которая без сомнения имеет подобные свойства, но и в то же время является чисто юридическим документом. Возникает и другой вопрос, есть ли вообще документы такого масштаба, как ГК РФ, КРФ, различные конвенции и международные нормативно-правовые акты, не имеющие политического и

экономического содержания? Кроме того, был проигнорирован опыт стран, в которых «интеллектуальная собственность», как термин имеет центральное значение, например, уже упомянутый Кодекс интеллектуальной собственности Франции 1992 года. Печально также встречать ту же ошибку в других странах, как например в ст. 125 «Интеллектуальная собственность», разд. V «Право интеллектуальной собственности» ГК Республики Казахстан. У Дозорцева, есть ещё одна версия, почему термин не правильный – это то, что якобы он неправильно переведён. С английского «property» означает имущество, а не собственность, для которой существует другой термин «ownership» [12, с. 4].

У этой точки зрения есть свои последователи, согласно О.В. Ревинскому: поскольку под интеллектуальной собственностью понимается некий аналог имущества, логично определить этим термином результаты интеллектуальной деятельности, как оно, по сути, и есть в ст. 1225 ГК РФ. Профессор Чернишкина Г.Н. в своей статье придерживается именно этой позиции и абсолютно согласна с Дозорцевым [37, с. 349].

Однако есть у этой точки зрения и критики, например, В.И. Еременко говорит о том, что «в английском языке существует специальный термин для интеллектуальной собственности – «property relations». Тут как пишет В.И. Еременко в англо-саксонском праве термин «property», имеет очень широкое понятие, в него может входить и обязательства, права на интеллектуальный продукт. Также отличаются термины «tangible» и «intangible property» вещественное и невещественное имущество. Стоит согласиться с точкой зрения В.И. Еременко термин «intangible property», как «интеллектуальное имущество» не вызвал бы возражений, а «интеллектуальная собственность» – это очень узкий подход к понятию «имущества»» [9, с. 511].

Термин «property» обозначает «любой вид имущественного права или интереса, который является предметом собственности». При этом следует указать, что английское понятие собственности шире, чем это принято на

континенте, поскольку охватывает, как было сказано выше не только материальные объекты. В.И. Еременко высказывает очень интересную версию о том, что «перевода и не было вовсе и более того по сложившийся международной практике быть не могло, так как конвенция ВОИС от 1967 года в соответствии со ст. 20 подписана в единственном экземпляре на английском, испанском, русском, французском языках, то есть текст одинаков и имеет равную силу во всех вариантах. Другими словами, некорректно говорить о переводе» [9, с. 512].

Получается очень интересный список, во многом, потому что здесь перечислены не только объекты правовой защиты, но и способы охраны п.1 и п.8. Если вдуматься масштаб правовой проблемы с теоретической стороны достаточно серьёзный, ибо защищается патент на изобретение, а не само изобретение, защиту получил сам процесс по пресечению недобросовестной конкуренции. Проанализировав весь сложившийся казус можно резюмировать, что Российское право введет нормы данной конвенции не должно защищать изобретения, а только патент на него. В разрешении данного казуса поможет норма 1225 ГК РФ, которая предоставляет охрану изобретениям, но вот в части отсутствия в нормах ГК РФ охраны пресечения недобросовестной конкуренции и патентов на изобретение, как объекта ставит под сомнение законность статьи исходя из положений Конституции РФ. Как нам кажется, что ошибка возможно кроется либо в переводе, либо в понимании положений международного договора [34].

Возвращаясь к конвенции, стоит сказать о том, что в ней нет уравнивания промышленной (интеллектуальной) собственности и её объектов, по словам Г. Боденрхаузена под термином понимается не совсем чёткое выражение, оно используется для обозначения ряда исключительных прав схожих с правами собственности.

Есть ещё предложения, из-за приравнивания интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации к интеллектуальной

собственности, некоторые авторы приходят к неожиданным выводам в своих книгах и статьях, так В.С. Курчеев и Б.А. Яковлев предложили рассмотреть интеллектуальную собственность, как информацию, что позволит не менять статью 1225 ГК РФ. Данное предложение не выдерживает никакой критики, так как есть легальное определение в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также тот факт, что в ст. 128 ГК РФ информация отсутствует, как объект гражданских прав

В Гражданском кодексе наравне с термином интеллектуальная собственность используется понятие «интеллектуальные права», согласно ст. 1226 под ним понимают совокупность личных неимущественных, исключительных, иных интеллектуальных прав. В связи с введением нового понятия возникает некоторая путаница понятий, в статье 1255 ГК РФ интеллектуальные права, почему-то объявляют авторскими, в статье 1303 ГК РФ они уже смежные, в статье 1345 ГК РФ вдруг стали патентными. В статьях 1408 и 1449 ГК РФ интеллектуальные права на селекционные достижения и топологию интегральных микросхем это уже смесь авторских и исключительных прав. При этом там, где по логике четвертой части гражданского кодекса и в смысле ст. 1226 ГК РФ интеллектуальные права как термин должны упоминаться, то этого нет (главы 75 и 76) [7].

Подводя итоги, можно сделать несколько интересных выводов. На данный момент даже в доктрине нет ответа на вопрос: что такое интеллектуальная собственность? Предположения высказываются самые разные от квалификации её как информации или как просто условный термин, под которым скорее стоит понимать исключительные права. Гражданский кодекс также не даёт каких-либо определений, избегает данного термина и старается заменить его на интеллектуальные права [38, с. 110].

Стоит высказать мнение по данному вопросу несмотря на запутанный клубок противоречий, стоит поступить более прагматично, чем это сделали правоведы, мнение которых мы приводили выше, а тем более избегать

позиции законодателя, на котором и лежит ответственность за всю эту путаницу. Как нам видится выход должен быть более простым и исходить надо из идеи не потому, что «правильно», а потому что «удобно», в конце концов законы применяют не учёные правоведы и даже не суды, а простые граждане и это не значит, что нужно слишком сильно упрощать закон, но всё должно быть доступно для понимания [42, с. 98].

Наши предложения следующие, дать дефиницию интеллектуальной собственности в смысле понимания термина, как вид имущественного права, которое является предметом собственности. Это предложение позволит избежать нарушения международных договоров и конвенций, Конституции РФ, а также снимет необходимость детального пересмотра гражданского кодекса.

3.2 Направления совершенствования защиты интеллектуальных и вещных прав

Интеллектуальная собственность в силу некоторых особенностей своей правовой природы, требует особых мер защиты, от которых зависит сама реализация интеллектуальных прав. Меры защиты интеллектуальных прав могут также защищать, даже выходя за пределы субъективные права. После смерти автора, его личные права прекращаются, так как неразрывно связаны с его личностью, но интересы по защите произведения подлежат охране и дальше [21, с. 56].

Есть достаточно экзотические способы защиты, как например использование Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции», но наиболее многообразной, эффективной самой практически значимой для восстановления нарушенного права является система гражданско-правовых мер защиты интеллектуальной собственности.

В ч. 4 ГК РФ содержится перечень способов защиты интеллектуальных прав, также не стоит забывать и об общих для гражданских прав способах защиты, установленные в статье 12 ГК РФ.

Гражданский кодекс не содержит легального определения, что препятствует их классификации и признаков. В научной литературе способы защиты определяют, как совокупность приёмов для достижения цели по защите нарушенного права. Стоит также предположить, что способы защиты служат некоторым смягчением в делах по восстановлению нарушенного права [26, с. 150].

Дискуссионным выглядит вопрос о соотношении разграничений формы и способа защиты. Форму защиты можно разделить сразу несколько частей. Во-первых, это комплекс действий государственных органов по защите законных интересов граждан, во-вторых, не юрисдикционную защиту, когда потерпевшая сторона сама предпринимает попытки защитить свои права. Не юрисдикционная форма защиты соотносится с понятием самозащиты, возможности её применения упомянуты в ст. 12 и 14 ГК РФ, однако в ч. 4 ГК РФ в статьях, посвящённых защите интеллектуальных прав, она не упоминается [6, с. 388].

Неоднозначный подход законодателя в определении природы самозащиты, породил некоторую неопределённость в отношении возможности применения такого способа защиты к интеллектуальной собственности. Также некоторые учёные настаивают на выделении такого способа защиты, как самостоятельного, который может быть применён к интеллектуальным правам и может включать в себя неюрисдикционные способы защиты, направление на охрану своих субъективных прав.

На наш взгляд самозащита является скорее формой защиты права, нежели способом защиты, также до конца не ясны пределы осуществления гражданских прав при самозащите.

Гражданский кодекс РФ делит способы защиты на меры защиты и меры ответственности. Меры защиты направлены на восстановление права и не зависят от субъективного поведения нарушителя. Для мер ответственности характерно установление вины в действиях правонарушителя. В соответствии с п. 3 ст. 1230 ГК РФ напрямую указывается о наступлении ответственности без вины в части применяя к ним таких мер ответственности как возмещение убытков. В целом мы солидарны с мнением о том, что вина должна быть факультативным признаком (ст. 401 ГК РФ).

По нашему мнению, меры ответственности могут содержать следующие особенности:

- являются санкциями за не законные действия нарушителя, которые подлежат оценке;
- носят имущественный характер;
- применяются только по решению суда [29, с. 128].

Разграничение мер ответственности и мер защиты имеет большое практическое значение и главное должно опираться на сугубо научный подход и проработанность этой темы со стороны научного сообщества. Нормы ч. 4 ГК РФ несмотря на внесённые поправки в 2014 году, беспорядочно употребляют термины «мера ответственности», «мера защиты», «способы защиты». Приведём пример для наглядности, в ст. 1406.1 ГК РФ законодатель устанавливает меры ответственности за нарушение исключительных прав на изобретения, полезную модель и промышленный образец. Законодатель предлагает правообладателю потребовать компенсации в рамках, установленных статьёй (по усмотрению суда) вместо убытков. Положения данной статьи нарушают положения главы 69 ГК РФ, а именно ст. 1250, 1251, 1252 ГК РФ. В соответствии со ст. 12 ГК РФ также упомянута компенсация морального вреда и это совершенно логично способ защиты и не ясно по какой причине, закон в одном случае упоминает компенсацию как способ защиты, а в другом как меры ответственности, хотя механизм один и

тот же. Поскольку компенсация является способом защиты, но в перечне способов не упомянута.

Также проблемным является такой фактор как отсутствие чётких критериев для расчёта размера компенсации по делам о нарушении исключительных прав. В соответствии с действующим законодательством правообладатель вместо взыскания убытков имеет право требовать компенсации, законом установлена нижняя и верхняя планка компенсации от десяти тысяч до пяти миллионов рублей. Предусмотрены также разные способы расчёта, можно взыскивать в двойном размере от стоимости пользования правом либо в двойне от стоимости товаров или услуг, закон предлагает выбрать правообладателю из трёх вариантов [17, с.1034].

Проблемы возникают, когда выбирается первый вариант из всех предложенных. Заявители по таким делам обычно считают сумму ущерба исходя из своих критериев расчёта, не прибегая к независимой оценке, это может повлечь злоупотребление правом. Обычно суды произвольно снижают размеры компенсации. Остаётся открытым вопрос возможно ли снизить размер компенсации ниже минимума предусмотренного четвёртой частью гражданского кодекса. Конституционный суд в постановлении № 28-П, указывает на наличие факторов, которые должны учитываться при удовлетворении дел по взысканию компенсаций. Следует брать во внимание: материальное положение ответчика, факт совершения правонарушения впервые, степень разумности, добросовестности, осмотрительности, проявленные ответчиком при совершении нарушений. Данное постановление касается только индивидуальных предпринимателей, а для юридических лиц вопрос остаётся открытым [35].

Заключение

Действующее отечественное законодательство предусматривает семнадцать видов объектов интеллектуальных прав, также была изучена их структура и особенности.

Во-первых, для законодателя интеллектуальная собственность – это результат творческого труда и то, что закон вкладывает в это понятие: чисто имущественные отношения по приобретению и использованию прав на эти объекты.

Во-вторых, культурная и общественная жизнь общества порождает всё новые и новые объекты интеллектуальных прав, поэтому, тут как никогда, закон (в нашем случае – это Гражданский кодекс РФ) должен быть гибок к новым веяниям, так как на данный момент, главная задача закона – это беспрепятственный и безопасный гражданский оборот.

Поэтому в контексте защиты интеллектуальных прав лучше было бы не составлять ограниченный список объектов, а выявить признаки, которым бы отвечали все указанные объекты и государственный механизм мог бы вовремя их защитить. По нашему мнению, данное предложение выглядит разумно, поскольку убирает надобность в разработке нового закона о внесении изменений в гражданский кодекс РФ.

В этом случае институт защиты мог бы получить новое направление в развитии и позволил бы укрепить гражданский оборот значительно большего объема результатов интеллектуальной деятельности, а также усилить контроль за их оборотом.

Как мы видим, российское государство с каждым годом стремится контролировать все сферы жизни и, в том числе, интеллектуальные права. В связи с этим, были рассмотрены способы и механизмы правовой защиты всех объектов, встречающихся в российском, а также, отчасти, в зарубежном правопорядке.

В-третьих, международный и иностранный опыт охраны и защиты интеллектуальной собственности, стоит заметить, что отличия между российскими и иностранными правовыми порядками носит существенный характер.

Там, где наше законодательство старается решить существующие проблемы в Европейском союзе и США идут дальше, создавая институт принудительной защиты интеллектуальных прав, а также опережают российское гражданское право по части кодификации законодательства по интеллектуальной собственности, например, кодекс интеллектуальной собственности Французской Республики.

Однако есть и много схожих моментов, это легко объяснить, так как рассматриваемые нами страны наряду с Российской Федерацией являются участниками многих международных соглашений, например, конвенции ВОИС. Нам кажется, что доктрина принудительной защиты интеллектуальных прав, которая используется в ЕС с 2006 года, может быть полезна и для российского права.

В-четвёртых, проблематика интеллектуальной собственности состоит в том, что законодатель не может определиться, где может быть применён этот термин, тут напрашивается сравнение с иностранным правом, где нет упоминаний об интеллектуальных правах и законодатель вынужден использовать термин интеллектуальная собственность, по причине упоминая его в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией.

Есть версия, что в переводе международных соглашений с английского языка была допущена ошибка, касается она перевода термина «property» и возможным вариантом правильного перевода является термин «имущество», а не собственность, от этого и путаница в четвёртой части гражданского кодекса.

Однако мы заметим, что перевод в международных актах равно аутентичен, поэтому юридических термин «property», равен термину

собственность. Как мы думаем, к термину интеллектуальная собственность можно применить следующие определение: «интеллектуальная собственность – это имущественный институт, состоящий из нематериальных объектов, находящиеся в собственности у юридических или физических лиц, государства, на которые распространяются исключительные права».

Интеллектуальная собственность широко представлена в действующем российском гражданском законодательстве. На данный момент проработка отдельных аспектов вызывает некоторые вопросы, но как нам кажется со временем законодательство в этой сфере будет улучшаться, и проблем будет становиться всё меньше.

Однако стоит предложить свою версию видения объектов интеллектуальной собственности, мы считаем, что на данном этапе развития человеческой мысли необходим более гибкий механизм интегрирования в действующее законодательство новых объектов интеллектуальной собственности. Нами предлагается квалифицировать объекты по признакам характерным для всех ныне существующих результатов интеллектуальной деятельности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агабекян, О.И. Нормативное регулирование интеллектуальной собственности. Часть I / О.И. Агабекян // Новая бухгалтерия. – 2017. – № 11. С. 23.
2. Антонова, И.С. Общая характеристика и проблемы защиты прав интеллектуальной собственности / И. С. Антонова, А. А. Назарова // Матрица научного познания. – 2021. – № 12-1. – С. 285-290.
3. Бирюков, П.Н. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для академического бакалавриата. – 2-е изд., перераб. и доп., 2017. 352 с.
4. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА - М, 2016. 672 с.
5. Гаврилова, А.М. Защита прав интеллектуальной собственности / А. М. Гаврилова // Вестник науки. – 2021. – Т. 1. – № 8(41). – С. 46-51.
6. Галиев, И.И. К вопросу о современном понимании права интеллектуальной собственности / И.И. Галиев// Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 32. – С. 386-389.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Гринь, Е.С. Правовая охрана авторских прав: учебное пособие для магистров / Е.С. Гринь. –Текст: непосредственный. М.: Проспект, 2016. – 112 с.
9. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. 880 с.
10. Гришаев, С.П. Гражданское право: учебник. Под ред. С.П. Гришаева. 3-е изд. / С.П. Гришаев. – М., 2015. 608 с.

11. Даль, В.С. Актуальные проблемы защиты интеллектуальных прав в сети интернет в Российской Федерации / В.С. Даль // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 45. – С. 1155-1159.

12. Дозорцев В.А. Развитие интеллектуального права в эпоху цифровизации / В.А. Дозорцев, М. С. Данелян // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2021. – № 1(27). – С. 4.

13. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник для вузов / И.А. Зенин. – 11-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 577 с.

14. Камышанский В.П. Актуальные проблемы права собственности: учебное. пособие / В.П. Камышанский, С.В. Новикова, Е.Ю. Руденко, Д.В. Степанов. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 90 с.

15. Канаева, А.С. Общие положения о наследовании прав на результаты интеллектуальной деятельности / А.С. Канаева, Л.А.Потапова, М.В. Тюргашкин // Вестник науки. – 2021. – Т. 2. – № 6-1(39). – С. 119-128.

16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.06.2020.

17. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части 1, 2, 3, 4. Под ред. С.А. Степанова. М., 2017. 1504 с.

18. Котенко, Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. Москва: Проспект, 2016. 123 с.

19. Левушкин, А.Н. Проблемы осуществления и защиты гражданских прав. Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности (гл. 3) / А.Н. Левушкин. // Актуальные проблемы гражданского права: Учебник / Коллектив авторов; под ред. Р.В. Шагиевой. М.: Юстиция, 2019. 380 с.

20. Митин, Р.К. Гражданско-правовое регулирование использования прав интеллектуальной собственности в сети интернет / Р.К. Митин // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72-6. – С. 87-90.

21. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: эскизы общей теории. М.: Инфра-М, 2017. - 160 с.

22. Позднякова, Е.А. Авторское право: учебник и практикум для вузов / Е.А. Позднякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 243 с.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части 4 Гражданского кодекса РФ» // Российская газета. – 2019. – № 96. – 6 мая.

24. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. 512 с.

25. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л.А. Новоселова [и др.]; под редакцией Л.А. Новоселовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 300 с.

26. Романова, Е.А. Защита интеллектуальных прав в условиях цифровизации экономики: таможенный аспект / Е.А. Романова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1-3(52). – С. 149-152.

27. Ржеутский, В.С. Соотношение гражданско-правового режима права собственности и права интеллектуальной собственности / В.С. Ржеутский // E-Scio. – 2021. – № 5(56). – С. 504-508.

28. Рыбалкина, В.А. Право интеллектуальной собственности в коммерческой деятельности / В.А. Рыбалкина // Аллея науки. – 2021. – Т. 2. – № 5(56). – С. 514-523.

29. Сараева, О.А. О совершенствовании механизмов защиты авторских прав на объекты, размещенные и обрабатываемые в сети Интернет / О.А. Сараева // Молодой ученый. – 2017. – № 41 (175). – С. 127-129.

30. Слепко, Г.Е. Права на результаты интеллектуальной деятельности военнослужащих: вопросы межотраслевого регулирования / Г.Е. Слепко // Право в вооружённых Силах. – 2017. – № 12. – С. 52- 57.

31. Смирнов С.А. О некоторых способах совершения преступлений в сфере авторского и смежных прав в сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – №3 (35). – С. 19-23.

32. Табаров, Н.А. Объекты патентного права в договоре коммерческой концессии / Н.А. Табаров // Законодательство. – 2017. – № 1(25). – С. 40-44.

33. Трофимов, С. В. Некоторые аспекты использования объектов патентного права / С. В. Трофимов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2016. – № 7. – С. 45-48.

34. Федеральный закон от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4132.

35. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

36. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права [Текст]: монография / [Рожкова М.А, Богустов А.А., Глонина В.Н., Семенова; под общей редакцией М.А. Рожковой]. – Москва: Статут: Club, 2018. – 269, [1] с.

37. Черничкина, Г.Н. К вопросу становления в российском законодательстве понятия «интеллектуальная собственность» / Г.Н. Черничкина // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 57-65.

38. Щербак, Н.В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права: Учебное пособие / Н. В. Щербак. – 1-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 309 с. – (Высшее образование).

39. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. 532 с. (Антология мысли).

40. Щербак, Н.В. Авторское право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.В. Щербак. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. 182 с.

41. Энтин, В.Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского Союза [Текст] / В.Л. Энтин; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Статут, 2018. - 172, [1] с.

42. Ющенко, А.С. Соотношение информационного права и права интеллектуальной собственности / А.С. Ющенко // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. – 2021. – № 4(28). – С. 97-103.